

Мысли были именно такими, и Тао Синъи решила действовать в соответствии с ними. Но прежде, чем она успела что-либо предпринять, ей пришлось столкнуться с Чжуачжоу.

Едва научившуюся держать равновесие малышку усадили в центр круга из предметов, а четверо взрослых принялись наблюдать, что же она выберет. Она никак не могла взять в толк: зачем вообще нужно это гадание и почему она должна в этом участвовать?

Сбежать не удавалось — всякий раз, когда она, пошатываясь, пыталась выбраться за пределы круга, её добрая мама подхватывала её на руки и возвращала обратно, настаивая на выборе.

Люди, вы понимаете, каково это? Мне двадцать шесть лет, а я вынуждена проходить через Чжуачжоу! Она чувствовала себя живым воплощением внутреннего монолога, яростно критикуя абсурдность происходящего.

Однако выбор сделать всё же пришлось. Среди пестрого разнообразия предметов она не нашла ничего, что вызвало бы хоть каплю интереса. Губная гармошка, счеты... Она даже начала сомневаться, не слишком ли она повзрослела для своего возраста, раз всё вокруг кажется таким скучным.

Наконец, под ожидающими взглядами всех присутствующих, она нетвердой походкой направилась к Хэ Эньнин, уткнулась ей в объятия и сладко пролепетала:

— Эньнин-цзецзе.

Она долго и тайно тренировалась произносить это, будучи уверенной, что её жене Эньнин это непременно понравится.

— Хочу, Эньнин, цзецзе... — она попыталась обнять Хэ Эньнин за талию. — Хочу Эньнин, цзецзе.

Синъи заговорила! Все на мгновение забыли о предметах гадания, охваченные восторгом, и лишь опомнившись, начали снова подталкивать её к выбору. В то же время двое мужчин принялись завлекать её, требуя, чтобы она назвала их.

— Синъи, ну же, скажи братик или папа.

Тао Синъи отчаянно хотела сбежать отсюда. Что бы они ни говорили, она игнорировала всех, продолжая упорно пробираться в сторону Хэ Эньнин.

— Хочу Эньнин, цзецзе.

Даже когда Хэ Эньнин отступила к самой двери, Тао Синъи продолжала следовать за ней. Она решила, что выберет свою жену Эньнин, и даже сам Иисус не смог бы её остановить — она так сказала.

Не заметив дороги под ногами, она споткнулась и растянулась на полу. От боли она поморщилась, и на глазах едва не выступили слезы.

Шипение сквозь зубы — никто не предупреждал, что в теле ребенка боль ощущается вдвойне! Хорошо еще, что в душе она была взрослой, а то бы разрыдалась на глазах у всех.

Она решила, что ничего страшного не случилось, поднялась и продолжила путь к Хэ Эньнин. Остальные же перепугались не на шутку: они поспешно убрали предметы и принялись осматривать её, боясь, что она поранилась.

Раздраженная тем, что все столпились вокруг, Тао Синъи отчаянно потянулась к Хэ Эньнин:

— Эньнин, цзецзе, обними.

Это было утомительно. Она не могла проявлять слишком много ума, а говорить приходилось отрывисто. Впрочем, смысл она доносила верно.

Синъи назвала меня первой? Хэ Эньнин наконец пришла в себя, подошла ближе и погладила малышку по щеке, с трудом вымолвив:

— Умница, сестренка.

— Значит, Синъи на Чжуачжоу ничего не выбрала, а только Эньнин? — Тао Вэйчэн не мог с этим смириться. — А я так хотел, чтобы она назвала меня папой.

Услышав это, его сын-бунтарь возмутился:

— Почему она не может сначала сказать братик?

— Я ваш отец, она должна сначала сказать папа.

— Я твой сын, ты должен уступить нам, Синъи должна сначала сказать братик.

— Сначала папа.

— Сначала братик.

— Мама. — Тао Синъи признала, что у неё дурные наклонности: она нарочно позвала свою добрую маму, позволяя мужчинам продолжать спор.

Двое мужчин, большой и маленький, быстро приуныли, но тут же встрепенулись, надеясь опередить соперника. Спор вспыхнул с новой силой:

— Синъи уже сказала мама, теперь очередь папы, это справедливо!

— Синъи и я — дети мамы, сначала должен быть братик.

Видя, что на это невозможно смотреть, Хуа Сюньси решила увести детей из комнаты, предоставив мужчинам ссориться дальше. В конце концов, Тао Синъи, устав от их перепалки, послушно произнесла:

— Папа, братик.

Оба тут же перестали спорить, наперебой отзываясь и требуя повторить. Но она больше не проронила ни слова, лишь крепко вцепившись в край одежды Хэ Эньнин, звонко повторяла:

— Эньнин-цзецзе.

Хотя ей очень хотелось назвать её женой Эньнин, она сдержалась, чтобы не оставлять себе неловких воспоминаний в будущем.

Поняв, что второго раза не дожидаться, Тао Вэйчэн поспешил похвастаться жене:

— Жена, ты слышала? Синъи назвала меня папой.

Тао Синцзюнь не остался в долгу и спросил Хэ Эньнин:

— Эньнин, Синъи только что назвала меня братиком, правда?

Но Хэ Эньнин было не до него. Все её мысли занимал недавний момент, когда малышка обнимала её и называла Эньнин-цзецзе. Лицо Хэ Эньнин залилось румянцем — Синъи была такой милой.

— Эньнин, Эньнин, она ведь сказала братик, правда? — Тао Синцзюнь ждал ответа. — Правда?

— Мгм, — она погладила Синъи по мягким волосам, — Синъи назвала тебя братиком.

Но Тао Синъи не собиралась потакать этому горе-братцу и снова потянула Хэ Эньнин за собой, без умолку повторяя Эньнин-цзецзе, отчего та краснела всё сильнее.

— Мам, у Эньнин лицо такое красное, она заболела? — Тао Синцзюнь случайно взглянул на неё и испугался. — Мам?

— Эньнин заболела? — Хуа Сюньси тут же потянулась проверить лоб девушки. — Как же так...

— Нет-нет, я в порядке, — поспешно отмахнулась Хэ Эньнин.

Тао Синъи, конечно, знала, что та покраснела от смущения, и, опустив голову, тихонько рассмеялась. Кто бы знал, как очаровательна смущенная жена Эньнин!